

ФИЛОСОФСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Карл ЯСПЕРС
Жан БОДРИЙАР

ПРИЗРАК ТОЛПЫ

Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова.

ИКС

Жан Бодрийар

Призрак толпы (сборник)

«Алисторус»

Бодрийар Ж.

Призрак толпы (сборник) / Ж. Бодрийар — «Алисторус»,

ISBN 978-5-9265-0329-3

В данное издание включены работы известного философа двадцатого столетия Карла Ясперса и выдающегося современного мыслителя Жана Бодрийара, посвященные проблемам существования «массового общества». По мнению авторов, это общество построено на иллюзорных представлениях о смысле и предназначении человеческого бытия. Основополагающие принципы такого социума сами по себе являются не более чем фантомами, призраками, или, по определению Бодрийара, «симулякрами» (симуляцией) действительности.

ISBN 978-5-9265-0329-3

© Бодрийар Ж.

© Алисторус

Содержание

Предисловие от редакции	5
ЧАСТЬ I	8
ВВЕДЕНИЕ	9
Возникновение эпохального сознания	10
Истоки современного положения	14
Ситуация вообще	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Карл Ясперс, Жан Бодрийар

Призрак толпы

Предисловие от редакции

Карл Ясперс является одним из самых ярких представителей мировой философии XX века. Он оказал существенное влияние на развитие экзистенциализма, но все же нельзя причислять Ясперса к адептам экзистенциалистской школы без всяких оговорок. В поздних работах он предпочитал говорить о «философии разума» или «мировой философии», а не о «философии существования». Именно с этой точки зрения Ясперс пытался оценить то новое общество, которое формировалось в развитых странах мира в двадцатом столетии. Он неоднократно вспоминал слова Гёте, в какой-то мере ставшие девизом творчества и самого Ясперса: «Человечество станет умнее и рассудительнее, но не лучше, счастливее и деятельнее. Я продвигу время, когда человечество не будет больше радовать Бога, и он будет вынужден вновь все разрушить для обновленного творения».

Эпоха «технического развития» (четвертая в истории человечества по хронологии Ясперса) настораживает философа бездумным стремлением поставить все планетарное бытие на службу удовлетворения сиюминутных потребностей человека. Это вызывает, с одной стороны, стремление преобразовать мир по шаблонам, определяемым такой задачей; с другой стороны, – чувство беспомощности от того, что мир не желает подчиниться столь узкому прагматическому подходу к его преобразованию. «Гордость нынешнего универсального постижения и высокомерная уверенность в том, что человек в качестве господина мира может по своей воле сделать его устройство поистине наилучшим, превращаются на всех открывающихся границах в сознание подавляющей беспомощности», – пишет Ясперс.

Новая идеология, пронизывающая все сферы социальной жизни, оказывается, по своей сути, фантомом, отравляющим мышление эфемерностью установочных понятий: «Распространилось сознание того, что все стало несостоятельным; нет ничего, что не вызывало бы сомнения, ничто подлинное не подтверждается; существует лишь бесконечный круговорот, состоящий во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий. Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой. Тот, кто так думает, ощущает и самого себя как ничто. Его сознание конца есть одновременно сознание ничтожности его собственной сущности. Отделившееся сознание времени перевернулось... Общим сегодня является не человеческое бытие как всепроникающий дух, а расхожие мысли и лозунги, средства сообщения и развлечения».

«Техническая» эпоха требует от индивида исполнения означенных функций и подавляет все то, что не связано напрямую с поставленным заданием. Мир становится донельзя прагматичным, и знания приобретают исключительно прикладной характер. «От людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности, не раскрытия действия таинственных сил, а ясного установления фактов», – отмечает Ясперс.

Далее он говорит о последствиях подобного подхода для общества и человека: «Индивид распадается на функции. Быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена.

Деловитость способствует также безграничному интересу к общей всем сфере инстинктивного: это выражается в воодушевлении массовым и чудовищным, созданиями техники, огромным скоплением народа, публичными сенсациями, вызванными делами, счастьем и ловкостью отдельных индивидов; в утонченной и грубой эротике, в играх, приключениях и даже в способности рисковать жизнью».

Законы «технической» эпохи неумолимо диктуют определенные нормы поведения всему человечеству: «Едиными становятся не только моды, но и правила общения, жесты, манеры говорить, характер сообщения... Всеобщим сегодня всегда становится поверхностное, ничтожное и безразличное».

Ясперс подробно разбирает состояние современного ему общества, создает подлинную энциклопедию социума, не оставляя в стороне ни одно сколь-нибудь значимое проявление общественной жизни. Политика, экономика, различные науки, спорт, искусство, средства массовой информации, семья, воспитание и образование, – все подвергается философом тщательному анализу, во всем видит он влияние эры «технического развития».

Итоги его размышлений таковы: мир вступил в полосу затяжного кризиса, в ходе которого все технические и экономические проблемы принимают планетарный характер. Кризис сопровождается неизбежными военными столкновениями, причинами которых являются «уверенность в бесспорном превосходстве, считающая собственное существование единственно истинным; неспособность стать на точку зрения другого, исходить из его ситуации, не предавая себя; страх, требующий уверенности и обретающий ее лишь в превосходстве над всеми; удовольствие от власти как таковой; отсутствие истины в отношении к себе и другим, в результате чего жизнь становится хаосом, из которого ищут насильственный выход, слепое утверждение, неодолимая страсть и влечение во тьму». Следует заметить, что Ясперс написал это накануне Второй мировой войны, предвидя грядущую трагедию, но и у современного читателя возникает ощущение той опасности, о которой предупреждал тогда человечество Карл Ясперс.

Одним из путей выхода из тупика, и, может быть, главным, философ считал возврат на новом уровне к ценностям предыдущей исторической эпохи «осевого времени», когда были заложены основы духовного развития всех мировых цивилизаций, сформировались традиции самобытных культур. «Человек в своей оставленности должен не только, понимая, научиться ориентироваться в действительности, но вновь принадлежать к сообществу, которое, выходя за пределы профессиональной принадлежности и партийности, сближает человека с человеком как таковым; вновь должен возникнуть народ», – призывал Ясперс.

* * *

Жан Бодрийар стал свидетелем дальнейшей эволюции «массового» общества, общества «потребления и деловитости», столь блестяще проанализированного Карлом Ясперсом. Бодрийар относится к тем редким философам, которые отстаивают свои взгляды не только на страницах книг или в научных дискуссиях, но и в настоящих баталиях. Он активно участвовал в революционных событиях 1968 года во Франции, находясь на левом фланге французских интеллектуалов-бунтарей, вел упорную борьбу с глобализмом и так называемым «новым мировым порядком». Книги Бодрийара пользовались и пользуются большой популярностью среди самых широких слоев европейской общественности, не приемлющих наступления эпохи нивелированного массового сознания.

Призрачность мира на рубеже второго и третьего тысячелетия новой эры Бодрийар считает следствием отсутствия целостного восприятия мироздания, в результате чего единство мира заменяется фрагментами, многополярностью, существованием фантомов, у которых нет подтверждения в реальности. Одним из основных терминов философского словаря Бодрийара является понятие «симулякра», который представляет собой всего лишь симуляцию реальности, но не ее отображение, поскольку и самой-то реальности теперь нет. Единственное, что существует, это симулятивная «гиперреальность» с эмблемами, моделями и кодами.

Мир стал призрачным, и все в нем стало иллюзорным: политика, превратившаяся в «гиперполитику» или «трансполитику», экономика, ставшая «трансэкономикой», искусство,

перешедшее в «трансискусство» и т. д. Все связи в этой симулятивной «гиперреальности» приобрели виртуальный характер; даже любовь и секс все больше и больше становятся очередными «симулякрами».

«Происходит взаимное заражение всех категорий, замена одной сферы другой, смешение жанров...» – пишет Бодрийар. «Политика не сосредоточена более в политике, она затрагивает все сферы: экономику, науку, искусство, спорт... И спорт уже вышел за рамки спорта – он в бизнесе, в сексе, в политике, в общем стиле достижений. Все затронуто спортивным коэффициентом превосходства, усилия, рекорда, инфантильного самопреодоления. Каждая категория, таким образом, совершает фазовый переход, при котором ее сущность разжижается в растворе системы до гомеопатических, а затем до микроскопических доз – вплоть до полного исчезновения, оставляя лишь неуловимый след, словно на поверхности воды».

Нормы морали и веры, категории возвышенного, «величественный императив смысла» в призрачном мире – пропадают, уходят в прошлое, заменяются «плоской ритуальностью и оскверняющей имитацией».

И народа больше нет, – есть массы, освобожденные от каких либо высоких идеалов. В полную силу развернулась работа «по поглощению и уничтожению культуры, знания, власти, социального».

Тот кризис человеческого бытия, о котором писал еще Ясперс, достиг, по-видимому, своей высшей фазы. Бодрийар говорит о «тошноте», ощущаемой миром людей, о болезненном состоянии этого мира, который «размножается, гипертрофируется и никак не может разродиться».

Бодрийар уверен, что такое состояние не может длиться бесконечно. Что ждет нас дальше – вселенская катастрофа, конец света или в муках родится новый мир, будет построено новое социальное мироздание? Бодрийар оставляет этот вопрос без ответа и не спешит делать оптимистические прогнозы на будущее...

ЧАСТЬ I

Карл Ясперс. ВЛАСТЬ МАССЫ

из книги «Духовная ситуация времени»

Перевод М.И. Левина

ВВЕДЕНИЕ

Было время, когда человек ощущал свой мир как непреходящий, таким, как он существует между исчезнувшим золотым веком и предназначенным божеством концом. В этом мире человек строил свою жизнь, не пытаясь изменить его. Его деятельность была направлена на улучшение своего положения в рамках самих по себе неизменных условий. В них он ощущал себя защищенным, единым с землей и небом. Это был его мир, хотя в целом он и представлялся ему ничтожным, ибо бытие он видел в трансцендентности.

В сравнении с таким временем человек оказывается оторванным от своих корней, когда он осознает себя в исторически определенной ситуации человеческого существования. Он как будто не может более удерживать бытие. Как человек жил раньше в само собой разумеющемся единстве своего действительного существования и знания о нем, становится очевидным только нам, кому жизнь человека прошлого представляется протекающей в некоей сокрытой от него действительности. Мы же хотим проникнуть в основание действительности, в которой мы живем; поэтому нам представляется, будто мы теряем почву под ногами; ибо после того, как не вызывающее сомнения единство оказалось разбито вдребезги, мы видим только существование, с одной стороны, осознание нами и другими людьми этого существования – с другой. Мы размышляем не только о мире, но и о том, как он понимается, и сомневаемся в истине каждого такого образа; за видимостью каждого единства существования и его осознания мы вновь видим разницу между действительным миром и миром познанным. Поэтому мы находимся внутри некоего движения, которое в качестве изменения знания вынуждает измениться существование и в качестве изменения существования, в свою очередь, вынуждает измениться познающее сознание. Это движение втягивает нас в водоворот безостановочного преодоления и созидания, утрат и приобретений, который увлекает нас за собой только для того, чтобы мы на мгновение могли остаться деятельными на своем месте во все более ограниченной сфере власти. Ибо мы живем не только в ситуации человеческого бытия вообще, но познаем ее каждый раз лишь в исторически определенной ситуации, которая идет от иного и гонит нас к иному.

Поэтому в сознании данного движения, в котором мы сами участвуем и фактором которого являемся, скрывается некая странная двойственность: поскольку мир не окончательно таков, какой он есть, человек надеется обрести покой уже не в трансцендентности, а в мире, который он может изменить, веря в возможность достигнуть совершенства на земле. Однако, поскольку отдельный человек даже в благоприятных ситуациях всегда обладает лишь ограниченными возможностями и неизбежно видит, что фактически успехи его деятельности в значительно большей степени зависят от общих условий, чем от его представлений о цели, поскольку он при этом осознает, насколько узость сферы его власти ограничена по сравнению с абстрактно мыслимыми возможностями, и поскольку, наконец, процесс развития мира, не соответствующий в своем реальном ничьему желанию, становится сомнительным по своему смыслу, в настоящее время возникло специфическое ощущение беспомощности. Человек понимает, что он зависим от хода событий, который он считал возможным направить в ту или иную сторону. Религиозное воззрение как представление о ничтожности мира перед трансцендентностью не было подвластно изменению вещей; в созданном Богом мире оно было само собой разумеющимся и не ощущалось как противоположность иной возможности. Напротив, гордость нынешнего универсального постижения и высокомерная уверенность в том, что человек в качестве господина мира может по своей воле сделать его устройство поистине наилучшим, превращаются на всех открывающихся границах в сознание подавляющей беспомощности. Как человеку удастся приспособиться к этому и выйти из такого положения, встав над ним, – является основным вопросом современной ситуации.

Человек – существо, которое не только есть, но и знает, что оно есть. Уверенный в своих силах, он исследует окружающий его мир и меняет его по определенному плану. Он вырвался из природного процесса, который всегда остается лишь неосознанным повторением неизменного; он – существо, которое не может быть полностью познано просто как бытие, но еще свободно решает, что оно есть; человек – это дух, ситуация подлинного человека – его духовная ситуация. Тот, кто захочет уяснить эту ситуацию как ситуацию современную, задаст вопрос: как до сих пор воспринималась ситуация человека? Как возникла современная ситуация? Что означает вообще «ситуация»? В каких аспектах она проявляется? Какой ответ дается сегодня на вопрос о человеческом бытии? Какая будущность ждет человека? Чем яснее удастся ответить на эти вопросы, тем решительнее знание приведет нас к состоянию незнания, и мы окажемся у тех границ, соприкасаясь с которыми человек начинает понимать себя как существо одиночное.

Возникновение эпохального сознания

Критика времени так же стара, как сознающий самого себя человек. Наша – коренится в христианском представлении об истории как некоем упорядоченном согласно замыслу спасения процессе. Это представление уже не разделяется нами, но наше понимание времени возникло из него или в противоположность ему. Согласно этому замыслу спасения, когда исполнилось время, пришел Спаситель; с его приходом история завершается, теперь предстоит лишь ждать и готовиться к наступлению суда; то, что происходит во времени, уподобляется миру, ничтожество которого очевидно и конец которого неизбежен. По сравнению с другими представлениями – о круговороте вещей, о возникновении человеческой культуры, о смысле мирского устройства – христианское представление обладает для отдельного человека ни с чем не сравнимой убедительностью благодаря своей универсальности, благодаря неповторимости и неотвратимости своей концепции истории и благодаря отношению к Спасителю. Осознание эпохи как времени решения, несмотря на то что эпоха была для христианина миром вообще, чрезвычайно усилилось.

Эта концепция истории была сверхчувственной. Ее события (грехопадение Адама, откровение Бога Моисею и избранность еврейского народа, пророчество) являются либо в качестве прошлых – не допускающими постижение, либо в качестве будущих – концом мира. Вызывая безразличие, мир в его имманентности, по существу, лишен истории. Лишь превращение этой трансцендентной концепции в видение мира как имманентного движения при сохранении сознания о неповторимости истории как целого пробудило сознание, которое увидело отличие своего времени от всякого иного и, пребывая в нем, воодушевилось патетической верой в то, что благодаря ему незаметно или посредством сознательного действия что-либо решится.

Начиная с XVI в., цепь больше не рвется; в последовательности поколений одно звено передает другому сознание эпохи. Началось это с сознательной секуляризации человеческого существования. Возрождение античности, новые планы и их реализация в технике, искусстве, науке привели в движение небольшую, но влиятельную в Европе группу людей. Ее настроенность хорошо передана в словах Гуттена: пробуждается дух, жить радостно. В течение веков открытия сменяли друг друга: открытия морей и неизведанных стран Земли, открытия в астрономии, в естествознании, в технике, в области рационализации государственного управления. Это сопровождалось сознанием общего прогресса, которое достигло своей вершины в XVIII в. Казалось, что путь, который вел раньше к концу мира и Страшному суду, ведет теперь к завершению человеческой цивилизации. Против этой удовлетворенности выступил Руссо. С того момента, когда он в 1749 г. в сочинении на вопрос объявленного конкурса, способствовало

ли возрождение наук и искусств улучшению нравов, ответил, что они их испортили, началась критика культуры, которая с тех пор сопровождает веру и прогресс.

В мышлении эпохи произошел сдвиг. Возникнув как духовная жизнь фактически немногих людей, считавших, что они – представители времени, оно обратилось к блеску упорядоченной государственной жизни и, наконец, к самому бытию людей. Теперь были созданы предпосылки, благодаря которым стала действительностью мысль, что с помощью человеческого разума можно не принимать существование человека таким, как оно сложилось, а планомерно изменять его, превратив в такое, каким оно действительно должно быть. Французская революция была событием, примера которому история не знала. Рассматриваемая как начало того времени, когда человек, руководствуясь принципами разума, сам будет определять свою судьбу, французская революция пробудила в сознании самых выдающихся людей Европы восторженное воодушевление.

Несмотря на все нововведения предшествующих веков, люди того времени не стремились к преобразованию общества. Так, для Декарта, хотевшего следовать нравам и законам своей родины, решаясь на новое лишь в глубинах духа, не было смысла в намерениях отдельного человека произвести реформы в государстве, изменяя в нем все, начиная с основания, и уничтожая его, чтобы потом вновь восстановить. Английская революция XVII в. еще коренится в религии и в ощущении мощи своей родины. Правда, протестантизм обновил христианство, вернув его к истокам, но не секуляризировал его, напротив, в противоположность обмирщению церкви, утвердил его строго и безусловно. Это сделало возможной героическую борьбу кромвелевских святых, которые под его началом хотели в своем служении Богу привести избранный народ Англии к существованию, угодному Богу и служащему его прославлению в мире. Только французская революция совершалась в сознании того, что существование людей должно быть в корне преобразовано разумом после того, как исторически обретенный образ, признанный дурным, будет уничтожен. Ее предшественниками можно считать только тех основавших американские колонии протестантов, которые, исходя из безусловности своей веры, покинули родину, чтобы на новой почве осуществить то, что потерпело неудачу в отчизне; в начинавшейся секуляризации они прониклись идеей общих прав человека.

Ход французской революции был неожиданным – она превратилась в противоположность тому, что служило ее началом. Воля, направленная на установление свободы человека, привела к террору, уничтожившему свободу полностью. Реакция на революцию росла. Возможность предотвратить ее повторение была возведена в принцип политики европейских государств. Со времени революции людей охватило беспокойство по поводу их существования в целом, ответственность за которое они несут сами, так как оно может быть изменено в соответствии с определенным планом и устроено наилучшим образом. Предвидение Канта (1798) сохранило свое значение вплоть до настоящего времени: «Подобный феномен не забывается, ибо он открыл задатки человеческой природы и ее способность к лучшему, что до той поры не уразумел из хода вещей ни один политик».

Со времени французской революции, в самом деле, живет специфически новое сознание эпохального значения времени. В XIX в. оно расщепилось: вере в прекрасное будущее противостоит ужас перед развертывающейся бездной, от которой нет спасения; в некоторых случаях успокоение приносит мысль о переходном характере времени, которая с тех пор умиротворяет и удовлетворяет при каждой трудности слабых духом людей.

Прошлый век создал историческое осознание времени в философии Гегеля, в этой философии было высказано немыслимое до той поры богатство исторического содержания и применен поразительно привлекательный и выразительный метод диалектики в соединении с пафосом чрезвычайного значения настоящего. Диалектика показала, как человеческое сознание преобразуется посредством самого себя: каждое сознание проходит в своем существовании ряд стадий благодаря знанию о себе; каждое мнение и знание изменяют того, кто знает именно

так; измененный, он должен искать в мире новое знание о себе; так, теряя покой, он, поскольку бытие и сознание принимают в своем разделении все новый образ, переходит от одного к другому – это исторический процесс человека. Как проходит этот процесс, Гегель показал в таком многообразии и с такой глубиной, которые и сегодня еще не достигнуты. В этом мышлении беспокойство человеческого самосознания познало себя, хотя оно еще и находило метафизическое укрытие в тотальности духа, которому принадлежит все особенное во времени, ибо в нем временное колебание исторического знания человека всегда есть совершенный покой вечности.

Диалектика бытия и сознания, которая может быть понята не только интеллектуально, но во всей своей содержательной полноте (понята тем, что – посредством предъявления требований к самому себе – есть возможность великой души), была искажена в марксизме тезисом о превращении бытия в однозначно определяемое бытие человеческой истории, а именно в материальное бытие средств производства.

Диалектика была низведена до уровня простого метода и лишена как содержания исторического бытия человека, так и метафизики. Однако она сделала возможной постановку вопросов, послуживших поводом для плодотворного исследования отдельных историко-социальных связей. Но вместе с тем она сделала возможными ложно освященные ореолом науки лозунги, превратившие глубокое историческое сознание времени в исконном мышлении в разменную монету. В конце концов, отпала и диалектика. Против марксизма выступили в своей слепой диалектике материалистические и экономические упрощения и варианты натурализации человеческого бытия, основанные на различии рас. В них было утеряно подлинное историческое сознание времени.

В диалектике Гегеля картина всеобщей мировой истории служила образом, в котором настоящее понимало само себя; оставалась другая возможность – отстраниться от конкретной истории с ее далеким богатством и полностью направить все внимание на настоящее. Уже Фихте занимался такой критикой времени в своих «Основных чертах современной эпохи», правда, основываясь на абстрактной конструкции всемирной истории от ее начала до ее завершения (в качестве секуляризации христианской философии истории) и устремляя взор на ее самую низкую точку – на современность как эпоху совершенной греховности. Первую обширную критику своего времени, отличающуюся по своей серьезности от всех предшествующих, дал Кьеркегор. Его критика впервые воспринимается как критика и нашего времени, она воспринимается так, будто написана вчера. Кьеркегор ставит человека перед ничто. Ницше, не зная Кьеркегора, выступил через несколько десятилетий его последователем. Он предвидел появление европейского нигилизма, неумолимо поставив диагноз своему времени. Оба философа воспринимались их современниками как чудачки, которые вызвали, правда, сенсацию, но к которым серьезно относиться нельзя. Эти философы предрекли будущее, исходя из того, что уже существовало, но еще никого не беспокоило. Поэтому они только теперь стали вполне современными мыслителями.

Через XIX в. проходило, по сравнению с Кьеркегором и Ницше, более мрачное осознание времени. В то время как публика была удовлетворена образованием и прогрессом, ряд самостоятельно мыслящих людей были полны мрачных предчувствий. Гёте мог сказать: «Человечество станет умнее и рассудительнее, но не лучше, счастливее и деятельнее. Я предвижу время, когда человечество не будет больше радовать Бога, и он будет вынужден вновь все разрушить для обновленного творения». Нибур, испуганный июльской революцией, в 1830 г. писал: «Теперь нам, если Бог не поможет чудом, предстоит разрушение, подобное тому, которое испытал римский мир около середины III века нашего летосчисления: уничтожение благосостояния, свободы, образования, науки». Несмотря на то, что уже Талейран сказал, что подлинную сладость жизни знали только те, кто жил до 1789 г., теперь, когда мы ретроспективно взираем на десятилетия до 1830 г., они представляются нам днями счастливого покоя, бла-

женным временем. Так это и идет: каждое новое поколение ощущает упадок и, обращая свой взор к прошлому, видит сияющим то, что само уже ощущало себя погибшим. Токвиль считал (1835) возникающую демократию не только неизбежной, но и исследовал ее в ее особенности; вопрос заключался для него не в том, как ее предотвратить, а как направить ее развитие таким образом, чтобы разрушения были минимальны. Многие различали сопутствующее ей варварство. Буркгардт пророчески испытывал перед ней глубочайший ужас. До этого (1829) с трезвой объективностью вывел свои заключения Стендаль: «По моему мнению, свобода в течение ста лет убьет эстетическое восприятие. Оно безнравственно, ибо совращает, ведя к блаженству любви, к пассивности и к преувеличению. Представим себе, что человека, обладающего эстетическим восприятием, ставят во главу строительства канала; вместо того чтобы холодно и разумно закончить строительство, он полюбит этот канал и наделает глупостей». «Двухпалатная система завоюет мир и нанесет изящным искусствам смертельный удар. Вместо того чтобы построить прекрасную церковь, властители будут помышлять об инвестициях своего капитала в Америке, чтобы при неблагоприятных обстоятельствах остаться богатыми людьми. При господстве двухпалатной системы я предвижу две вещи: они никогда не истратят двадцать миллионов в течение пятидесяти лет, чтобы создать нечто подобное собору святого Петра; они введут в салоны множество почтенных, очень богатых людей, лишенных, однако, благодаря своему воспитанию того тонкого такта, без которого невозможно восторгаться искусством». Художникам, которые хотят чего-либо достигнуть в обществе, следует посоветовать: «Становитесь владельцами сахарных заводов или фабрикантами фарфора, тогда вы скорее станете миллионерами и депутатами». Ранке пишет об упадке в дневниковой записи 1840 г.: «Прежде великие убеждения были всеобщими; на их основе строили свою дальнейшую деятельность. Теперь же все является, так сказать, призывом, и это все. Ничто больше не проникает в душу, все тонет в тишине. Достигает успеха тот, кто высказывает настроение своей партии и находит у нее понимание». Политик Кавур видит неизбежность демократии так же, как и исследователь Токвиль. В письме 1835 г. Кавур пишет: «Мы не можем больше обманывать себя, общество большими шагами движется к демократии... Аристократия быстро гибнет... Для патрициата нет больше места в сегодняшней организации общества. Какое же оружие остается еще в борьбе с поднимающимися народными массами? У нас нет ничего прочного, ничего действенного, ничего постоянного. Хорошо это или плохо? Не знаю. Но, по моему мнению, это неизбежное будущее людей. Подготовимся же к этому или подготовим к нему, по крайней мере, наше потомство». Он видит, что современное общество «фатально движется в своем развитии в сторону демократии», а «пытаться препятствовать ходу событий означало бы поднять бурю, не обладая возможностью привести корабль в гавань».

Рассматривается ли время под углом зрения политики, благополучия людей, процветания искусства или оставшейся еще возможности человеческого существования, ощущение опасности проходит через все последнее столетие: человек ощущает угрозу. Подобно тому, как христианин, ожидая упадка мира как мира, держится за благую весть и находит вне мира то, что ему только и было нужно, так теперь некоторые, ожидая гибели мира, держатся за свою убежденность в созерцании сущностного. Гегель, видя упадок своего времени, признает, что умиротворена должна быть сама действительность, а не только философия. Ибо философия в качестве умиротворения человека есть лишь частичная всеобщность, без внешней. «Она в этом отношении – лишь обособленное святилище, и ее служители составляют лишь изолированную группу священников, которым нельзя идти вместе с миром, а следует хранить владение истиной. Как временная, эмпирическая современность выйдет из состояния разлада, следует предоставить решить ей самой; это не есть непосредственное практическое дело философии». Шиллер пишет: «Мы хотим быть и остаться гражданами нашего времени, так как иначе быть не может, однако по своему духу философ и поэт обладают привилегией – и в этом их долг – не принадлежать ни одному народу и ни одному времени, но оставаться в подлинном смысле

слова современником всех времен». В других случаях пытаются вернуться к христианству, как это делает Грундтвиг: «Наша эпоха находится на перепутье, быть может, на самом резком повороте, известном истории; старое исчезло, а новое колеблется, не зная спасения; никто не решит загадку будущего, где же найти нам покой души, если не в слове, которое будет незыблемо стоять, когда смешаются Земля и Небо и миры будут свернуты, как ковер?» Им всем, однако, противостоит Кьеркегор; он жаждет христианства в его исконной подлинности таким, каким оно только и может быть теперь в такое время: как мученичество отдельного человека, который сегодня уничтожается массой и избегает фальши благополучия в качестве пастора или профессора в сфере объективной теологии или активной философии, в качестве агитатора или стремящегося к правильному устройству мира; он не может указать времени, того, что надлежит делать, но может заставить почувствовать, что оно лишено истины.

Эти выдержки из документов, свидетельствующих о сознании времени преимущественно в первую половину XIX в., можно было бы бесконечно увеличивать. Почти все мотивы критики современности оказываются вековой давности. Перед войной и в ходе войны появились наиболее известные отражения нашего мира: «Критика нашего времени» Ратенау (1912) и «Закат Европы» Шпенглера (1918). Ратенау дает проникновенный анализ механизации нашей жизни, Шпенглер – богатую материалом и наблюдениями натуралистическую философию истории, в которой упадок утверждается как необходимое в определенное время и соответствующее закону морфологии культур явление. Новое в этих попытках составляет близость к материалу современности, подтверждение мыслей автора количественно увеличившимся материалом (ибо мир приблизился к тому, что раньше наблюдалось лишь в начатках, к проникновению мыслей в самые далекие сферы) и все более отчетливое пребывание перед ничто. Ведущими мыслителями являются Кьеркегор и Ницше. Однако христианство Кьеркегора не нашло последователя; вера ницшевского Заратустры не принимается. Но к тому, как оба мыслителя открывают «ничто», после войны прислушиваются, как никогда раньше.

Распространилось сознание того, что все стало несостоятельным; нет ничего, что не вызывало бы сомнения, ничто подлинное не подтверждается; существует лишь бесконечный круговорот, состоящий во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий. Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой. Тот, кто так думает, ощущает и самого себя как ничто. Его сознание конца есть одновременно сознание ничтожности его собственной сущности. Отделившееся сознание времени перевернулось.

Истоки современного положения

Вопрос о современной ситуации человека как результате его становления и его шансов в будущем поставлен теперь острее, чем когда-либо. В ответах предусматривается возможность гибели и возможность подлинного начинания, но решительный ответ не дается.

То, что сделало человека человеком, находится за пределами переданной нам истории. Орудия в постоянном владении, создание и употребление огня, язык, преодоление половой ревности и мужское товарищество при создании постоянного общества подняли человека над миром животных.

По сравнению с сотнями тысячелетий, в которых, по-видимому, совершались эти недосягаемые нам шаги к тому, чтобы стать человеком, зримая нами история приблизительно в 6000 лет занимает ничтожное время. В нем человек выступает как существо, распространившееся на поверхности Земли в множестве различных типов, которые лишь очень мало связаны или вообще не связаны друг с другом и не знают друг друга. Из их числа человек западного мира, который завоевал земной шар, способствовал тому, чтобы люди узнали друг друга и поняли значение своей взаимосвязанности внутри человечества, выдвинулся посредством последовательного проведения следующих принципов: ни перед чем не останавливающаяся

рациональность, основанная на греческой науке, ввела в существование господство техники и счета. Общеизвестное научное исследование, способность к предвидению правовых решений в рамках формального, созданного Римом права, калькуляция в экономических предприятиях, вплоть до рационализации всей деятельности, в том числе и той, которая в процессе рационализации уничтожается, – все это следствие позиции, безгранично открытой принуждению логической мысли и эмпирической объективности, которые постоянно должны быть понятны каждому.

Субъективность самобытия ярко проявляется у еврейских пророков, греческих философов и римских государственных деятелей. То, что мы называем личностью, сложилось в таком облике в ходе развития человека на Западе и с самого начала было связано с рациональностью в качестве ее коррелята. В отличие от восточного неприятия мира и связанной с этим возможностью «ничто» как подлинного бытия западный человек воспринимает мир как фактическую действительность во времени. Лишь в мире, а не вне мира он обретает уверенность в себе. Самобытие и рациональность становятся для него источником, из которого он безошибочно познает мир и пытается господствовать над ним.

Эти три принципа утвердились лишь в последних столетиях. XIX в. принес их полное проявление вовне. Земной шар стал повсюду доступен, пространство распределено. Впервые планета стала единым всеобъемлющим местом поселения человека. Все взаимосвязано. Техническое господство над пространством, временем и материей растет беспредельно уже не благодаря случайным отдельным открытиям, а посредством планомерного труда, в рамках которого само открытие становится методическим и достижимым.

После тысячелетней обособленности развития человеческих культур в последние четыре с половиной века шел процесс завоевания мира европейцами, а последнее столетие знаменовало завершение этого процесса. Это столетие, в котором движение совершалось ускоренным темпом, знало множество личностей, полностью зависевших от самих себя, знало гордыню вождей и правителей, восторг первооткрывателей, отвагу, основывающуюся на расчете, знание предельных границ; оно знало также глубину духа, сохраняющуюся в подобном мире. Сегодня мы воспринимаем этот век как наше прошлое. Произошел переворот, содержание которого мы воспринимаем, правда, не как нечто позитивное, а как нагромождение неизмеримых трудностей: завоевание внешних территорий натолкнулось на предел; расширяющееся вовне движение как бы натолкнулось на самое себя.

Принципы западного человека исключают простое повторение по кругу. Постигнутое сразу же рационально ведет к новым возможностям. Действительность не существует как сущая определенным образом, она должна быть охвачена постижением, которое является одновременно вмешательством и действием. Быстрота движения росла от столетия к столетию. Нет больше ничего прочного, все вызывает вопросы и втянуто в возможное преобразование при внутреннем трении, неизвестном XIX в.

Ощущение разрыва со всей предыдущей историей присуще всем. Но новое не является таким преобразованием общества, которое влечет за собой разрушение, перемещение имущества, уничтожение аристократии. Более чем четыре тысячи лет тому назад в Древнем Египте произошло то, что папирус описывает следующим образом: «Списки отняты, писцы уничтожены, каждый может брать зерна, сколько захочет... Подданных больше нет... страна вращается, как гончарный круг: высокие сановники голодают, а горожане вынуждены сидеть у мельницы, знатные дамы ходят в лохмотьях, они голодают и не смеют говорить... Рабыням дозволено разглагольствовать, в стране грабежи и убийства... Никто больше не решается возделывать поля льна, с которых снят урожай; нет больше зерна, голодные люди крадут корм у свиней. Никто не стремится больше к чистоте, никто больше не смеется, детям надоело жить. Людей становится все меньше, рождаемость сокращается, и остается лишь желание, чтобы все это скорее кончилось. Нет ни одного должностного лица на месте, и страну грабят несколько

безрассудных людей царства. Начинается эра господства черни, она возвышается над всем и радуется этому по-своему. Эти люди носят тончайшие льняные одежды и умащают свою плешь мирром... Своему богу, которым они раньше не интересовались, они теперь курят фимиам, правда, фимиам другого. В то время как те, кто не имел ничего, стали богаты, прежние богатые люди лежат беззащитными на ветру, не имея постели. Даже сановники старого государства вынуждены в своем несчастье лстить поднявшимся выскочкам».

Не может быть это новое и тем сознанием зыбкости и плохих условий, в которых нет более ничего надежного, о котором повествует Фукидид, описывая поведение людей в период Пелопоннесской войны.

Для характеристики этого нового мысль должна проникнуть глубже, чем при рассмотрении общих для человечества возможностей переворота, беспорядка, упадка нравов. Спецификой Нового времени является со времени Шиллера разбожествление мира. На Западе этот процесс совершен с такой радикальностью, как нигде. Существовали неверующие скептики в Древней Индии и в античности, для них имело значение только чувственно данное, к захвату которого они, хотя и считая его, правда, ничтожным, устремлялись без каких-либо угрызений совести. Однако они еще совершали это в таком мире, который фактически и для них оставался как целое одухотворенным. На Западе как следствие христианства стал возможным иной скепсис: концепция надмирового Бога-творца превратила весь сотворенный им мир в его создание.

Из природы были изгнаны языческие демоны, из мира – боги. Сотворение стало предметом человеческого познания, которое сначала как бы воспроизводило в своем мышлении мысли Бога. Протестантское христианство отнеслось к этому со всей серьезностью; естественные науки с их рационализацией, математизацией и механизацией мира были близки этой разновидности христианства. Великие естественники XVII и XVIII вв. оставались верующими христианами. Но когда, в конце концов, сомнение устранило Бога-творца, в качестве бытия остался лишь познаваемый в естественных науках механизированный образ, что без предшествующего сведения мира к творению никогда бы с такой резкостью не произошло.

Это разбожествление – не неверие отдельных людей, а возможное последствие духовного развития, которое в данном случае в самом деле ведет в ничто. Возникает ощущение никогда ранее не испытанной пустоты бытия, по сравнению с которой самое радикальное неверие античности было защищено полнотой образов еще сохраненной мифической действительности; она сквозит и в дидактической поэме эпикурейца Лукреция. Такое развитие не является, правда, неотвратимо обязательным для сознания, ибо оно предполагает искажение смысла точных наук в познании природы и абсолютизацию, перенесение их абсолютизированных категорий на бытие в целом. Однако оно возможно и стало действительностью, чему способствовали громадные технические и практические успехи названного познания. То, что ни один бог за тысячелетие не сделал для человека, человек делает сам. Вероятно, он надеялся узреть в этой деятельности бытие, но, испуганный, оказался перед им самим созданной пустотой.

Современность сравнивали со временем упадка античности, со временем эллинистических государств, когда исчез греческий мир, и с третьим веком после рождения Христа, когда погибла античная культура. Однако есть ряд существенных различий. Прежде речь шла о мире, занимавшем небольшое пространство земной поверхности, и будущее человека еще было вне его границ. В настоящее время, когда освоен весь земной шар, все, что остается от человечества, должно войти в цивилизацию, созданную Западом. Прежде население уменьшалось, теперь оно выросло в неслыханных ранее размерах. Прежде угроза могла прийти только извне, теперь внешняя угроза для целого может быть лишь частичной, гибель, если речь идет о гибели целого, может прийти только изнутри. Самое очевидное отличие от ситуации третьего века состоит в том, что тогда техника была в состоянии стагнации, начинался ее упадок, тогда как теперь она в неслыханном темпе совершает свое неудержимое продвижение.

Тем внешне наблюдаемым новым, что с этого времени должно служить основой человеческого существованию и ставить перед ним новые условия, является это развитие технического мира. Впервые начался процесс подлинного господства над природой. Если представить себе, что наш мир погибнет под горами песка, то последующие раскопки не поднимут на свет прекрасные произведения искусства, подобные античным (нас до сих пор восхищают античные мостовые); от последних веков Нового времени останется по сравнению с прежними такое количество железа и бетона, что станет очевидным: человек заключил планету в сеть своей аппаратуры. Этот шаг имеет по сравнению с прежним временем такое же значение, как первый шаг к созданию орудий вообще: появляется перспектива превращения планеты в единую фабрику по использованию ее материалов и энергий. Человек вторично прорвал замкнутый круг природы, покинул ее, чтобы создать в ней то, что природа, как таковая, никогда бы не создала; теперь это создание человека соперничает с ней по силе своего воздействия. Оно предстает перед нами не столько в зримости своих материалов и аппаратов, сколько в действительности своих функций; по остаткам радиомачт археолог не мог бы составить представление о созданной ими всеобщей для людей всей Земли доступности событий и сведений.

Однако характер разбожествления мира и принцип технизации еще недостаточны для постижения того нового, что отличает наши века, а в своем завершении – нашу современность от прошлого. Даже без отчетливого знания людей нас не покидает ощущение, что они живут в момент, когда в развитии мира достигнут рубеж, который несоизмерим с подобными рубежами отдельных исторических эпох прошлых тысячелетий. Мы живем в духовно несравненно более богатой возможностями и опасностями ситуации, однако, если мы с ней не справимся, она неизбежно превратится в наиболее ничтожное время для оказавшегося несостоятельным человека.

Взирая на прошедшие тысячелетия, может показаться, что человек достиг в своем развитии конца или же он в качестве носителя современного сознания находится лишь в начале своего пути, в начале своего становления, но, обладая на этот раз средствами и возможностью реального воспоминания, на новом, совершенно ином уровне.

Ситуация вообще

До сих пор о ситуации речь шла в абстрактной неопределенности. В конечном итоге в определенной ситуации находится лишь отдельный человек. Перемещая ее, мы мыслим ситуацию групп, государств, человечества, институтов, таких, как церковь, университет, театр; объективных образований – науки, философии, поэзии. Когда воля отдельных людей охватывает их как свою вещь, эта воля оказывается вместе со своей вещью в определенной ситуации. Ситуации могут быть либо бессознательными – тогда они оказывают воздействие так, что тот, кого это касается, не знает, как это происходит.

Либо они рассматриваются как наличные для сознающей самое себя воли, которая может их принять, использовать и изменить. Ситуация, ставшая осознанной, вызывает к определенному поведению. Благодаря ей не происходит автоматически неизбежного; она указывает возможности и границы возможностей: то, что в ней происходит, зависит также от того, кто в ней находится, и от того, как он ее познает. Само постижение ситуации уже изменяет ситуацию, поскольку оно апеллирует к возможному действию и поведению. Увидеть ситуацию означает начать господствовать над ней, а обратить на нее пристальный взор – уже борьбу воли за бытие. Если я ищу духовную ситуацию времени, это означает, что я хочу быть человеком до тех пор, пока я еще противостояю человеческому бытию, я размышляю о его будущем и его осуществлении, но как только я сам становлюсь им, я пытаюсь мысленно реализовать его посредством уяснения фактически схваченной ситуации в моем бытии.

Каждый раз возникает вопрос, какую же ситуацию я имею в виду.

Во-первых, бытие человека находится в качестве существования в экономических, социальных, политических ситуациях, от реальности которых зависит все остальное, хотя не они только делают ее действительной.

Во-вторых, существование человека как сознания находится в сфере познаваемого. Исторически приобретенное, наличное теперь знание в своем содержании и в характере того, как происходит познание и как знание методически расчленяется и расширяется, является ситуацией, по возможности ясной для человека.

В-третьих, то, чем он сам станет, ситуационно обусловлено людьми, с которыми он встретится, и возможностями веры, к нему взывающими.

Поэтому, если я ищу духовную ситуацию, я должен принимать во внимание фактическое существование, возможную ясность знания, апеллирующее самобытие в своей вере, все те обстоятельства, в которых находит себя отдельный человек.

В своем социологическом существовании индивид неизбежно занимает предназначенное ему место и поэтому не может присутствовать повсюду в одинаковой мере. Даже чисто внешнее знание того, как человек себя чувствует во всех социологических ситуациях, никому в настоящее время не доступно. То, что человеку одного типа представляется само собой разумеющимся повседневным существованием, может быть чуждо большинству остальных людей.

Правда, в настоящее время для отдельного человека возможна большая мобильность, чем когда-либо, пролетарий мог в прошлом веке стать хозяйственником, теперь – министром. Но эта мобильность фактически существует лишь для немногих, и в ней обнаруживается тенденция к сокращению и к принудительному социальному статусу.

В настоящее время мы действительно обладаем знанием основных типов нашего общества – знанием о рабочем, служащем, крестьянине, ремесленнике, предпринимателе, чиновнике. Однако именно это делает сомнительной общность человеческой ситуации для всех. При распадении прежних связей теперь вместо общей судьбы людей стала ощущаться новая связь каждого индивида с его местом внутри социального механизма. Обусловленность происхождением теперь, как и прежде, не может быть, невзирая на мобильность, устранена. Общим сегодня является не человеческое бытие как всепроникающий дух, а расхожие мысли и лозунги, средства сообщения и развлечения. Они образуют воду, в которой плавают, а не субстанцию, быть частью которой означает бытие. Общая социальная ситуация не есть решающее, она скорее то, что ведет к ничтожеству. Решающим является возможность самобытия, еще не становящегося сегодня объективным в своем особом мире, который включает в себя мир общий для всех, вместо того чтобы подвергаться его вторжению. Это самобытие не есть сегодняшний человек вообще; оно состоит в недоступной определению задаче узнать посредством овладения судьбой свою историческую связанность.

В области знания сегодняшняя ситуация характеризуется растущей доступностью его формы, метода и часто содержания все большему числу людей. Однако границы знания очень различны не только по объективным возможностям, но и прежде всего потому, что субъективная воля человека недостаточно велика и неспособна к истонной жажде знания. В знании общая ситуация была бы в принципе возможна для всех как наиболее универсальная коммуникация, которая с наибольшей вероятностью могла бы единообразно определить духовную ситуацию людей одного времени. Однако из-за различия людей по их стремлению к знанию такая коммуникация исключена.

Для того, как самобытию принимать в себя другое самобытие, обобщенной ситуации не существует, необходима абсолютная историчность встречающихся, глубина их соприкосновения, верность и независимость их личной связи. При ослаблении содержательной объективной прочности общественного существования человек отбрасывается к этому истонному способу его бытия с другими, посредством которого только и может быть построена заново полная содержанием объективность.

Несомненно, что единой ситуации для людей одного времени не существует. Если бы я мыслил бытие человека как единую субстанцию, существовавшую на протяжении веков во всех специфических ситуациях, то моя мысль потерялась бы в сфере воображаемого. Если для божества и есть подобный процесс в развитии человечества, то я при самых обширных знаниях все-таки нахожусь внутри такого процесса, а не вне его. Несмотря на все это, т. е. невзирая на три типа, мы привыкли говорить о духовной ситуации времени, как будто она одна. В этом пункте, однако, пути мышления разделяются.

Перемещаясь на позицию наблюдающего божества, можно набросать картину целого. В тотальном историческом процессе человечества мы находимся на данном определенном месте, в современности как целостности отдельный человек занимает данное определенное место. Объективное целое, представляется ли оно отчетливо конструированным или смутным в своей неопределенности, становящимся, составляет тот фон, на котором я утверждаюсь в моей ситуации, в ее необходимости, особенности и изменяемости. Мое место как бы определено координатами: то, что я существую, – функция этого места; бытие – целое, я – его следствие, модификация или член. Моя сущность – историческая эпоха, как и социологическое положение в целом.

Историческая картина универсального развития человечества как необходимого процесса, в каком бы образе его ни мыслить, оказывает магическое воздействие. Я – то, что есть время. А то, что есть время, выступает как определенное место в развитии. Если я его знаю, то знаю требование времени. Для того чтобы достигнуть понимания подлинного бытия, я должен знать целое, в соответствии с которым я определяю, где мы находимся сегодня. Задачи современности следует высказывать как совершенно специфическое, высказывать с пафосом абсолютной значимости для настоящего. Ими я ограничен, правда, настоящим, но поскольку я вижу их в нем, я принадлежу одновременно целому во всей его протяженности. Никому не дано выйти за пределы своего времени, стремясь к этому, он провалился бы в пустоту.

Зная свое время благодаря знанию целого или рассматривая это знание как осмысленную цель, обладая этим знанием, я обращаюсь в своей самодостоверности против тех, кто не признает известные мне требования времени: они обнаруживают свою несостоятельность перед временем, трусливость, это – дезертиры действительности.

Под влиянием таких мыслей возникает страх оказаться несовременным. Все внимание направлено на то, чтобы не отстать: будто действительность сама по себе идет своим шагом и надо стараться идти в ногу с ней. Высшее требование – делать то, «чего требует время». Считать что-либо прошедшим – означает покончить с ним. Полагают, что достаточно с упреком сказать: это не соответствует времени, ты чужд требованиям времени, не понимаешь нового поколения. Только новое становится истинным, только молодежь – действительностью времени. Исходить надо любой ценой из сегодняшнего дня. Это стремление к утверждению, к себе такому, как человек есть, ведет к шуму современности, к прославляющим его фанфарам, будто уже доказано, что есть сегодняшний день.

Это рассмотрение целого, мнение, будто можно знать, что есть в истории и современности целое, – основное заблуждение; само бытие этого целого проблематично. Определяю ли я целое как духовный принцип, как своеобразное ощущение жизни, как социологическую структуру, как особое хозяйственное устройство или государственность, во всех этих случаях я постигаю не глубину происхождения целого, а лишь возможную перспективу ориентации. Ибо то, из чего я ни в каком смысле не могу выйти, я не могу увидеть извне. Там, где собственное бытие еще участвует в том, что теперь совершается, предвосхищающее знание не более чем волеизъявление: воздействие того пути, на который я хочу вступить, обида, от которой я, ненавидя это знание, избавляюсь, пассивность, которая получает таким образом свое оправдание, эстетическое удовольствие от величия этой картины, жест, от которого я жду признания своей значимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.